

Я снова сел на трон и стал наблюдать за происходящим. Умоляющие и плачущие не приносили мне никакого удовлетворения. Даже того тайного, извращенного удовлетворения, которое испытывают герои историй, наблюдая, как их врагов постигает крах.

Конечно, теперь переговоры были на носу. Количество взяток и компенсаций, на которые она была готова пойти, почти ошеломляло. К сожалению, ничему из этого нельзя было доверять. В одном мой отец, будь он проклят, был прав. Переговоры можно вести с позиции слабого. Я надеялся, пусть и по-детски, что Эфира присоединится ко мне. Что, несмотря на то, что я нахожусь в ее власти, моя смиренная мольба дойдет до нее. Но покровы интриги и таинственности были отброшены, и я воочию увидел ее решение.

Пути назад уже не было.

— Что вы хотите сделать, милорд? — Я чувствовал, как его холодные голубые глаза смотрят на меня, оценивая, ожидая той секунды, когда я откажусь от своих слов.

Моё сердце сжалось, лоб напрягся, когда я смотрел, как Эфира корчится в руках своих пленителей, ее королевская грация практически исчезла. Мой разум вернулся на несколько часов назад, когда я отчаянно искал выход.

— Это глупость! — прошипела Неттари. Ее голос стал выше вечной монотонности и ускорился в панике, которую я слышал только когда она умирала. Она швырнула бокал с вином в камин, разбив его и раздув пламя. — Это плохо продумано, опасно и импульсивно, дитя, даже для тебя.

— Скажи мне почему. — Прислонившись к стене, я уставился в камин.

— Потому что вещи, с которыми ты играешь, силы, кои ты намереваешься задействовать — это не простые контракты, которые можно выкупить позже. Это вечные...

— Именно поэтому мне нужен компетентный поверенный, чтобы убедиться, что ничего плохого не будет упущено.

Она ткнула в меня пальцем. — Даже если мне удастся найти изъян в контракте Эфиры, который, скорее всего, настолько надежен и продуман, что целая команда поверенных не справится, это не изменит цену.

Я широко раскинул руки, разочарование наконец-то вырвалось на поверхность. — У меня есть сведения, что она из кожи вон лезла, чтобы обмануть их. И если у тебя есть альтернативный вариант, то, конечно, озвучь его, Неттари.

— Подкрепление из соседних обитателей... — начала она.

Я тут же прервал ее. — Уже пытались. Не имеет значения. Этот архидемон, Озра, из тех, кто появляется раз в вечность. Любая сила, которую мы сможем собрать за месяц, будет легко сокрушена. Из того, что я видел, битва длится меньше суток.

Неттари положила руки на стол, наклонилась, глубоко задумавшись. — А что насчет других легионов? Они дикие и жестокие, но у них есть самоуправление. Конечно, если бы они знали, что такое нападение неминуемо нарушит существующий порядок, они бы вмешались.

Эта мысль пришла в голову и мне. Проблема заключалась в том, что большинство легионов за исключением асмодиалов были раздроблены и децентрализованы. Я рассматривал возможность организации экспедиции для поиска этих ублюдков и пытался сделать это несколько раз, но необходимый уровень подготовки означал, что экспедиция не будет готова, пока не наступит крайний срок.

Были и другие проблемы. Лучшим вариантом способным противостоять асмодиалам были декерабии — демоны, которые, по слухам, были падшими небожителями. Большинство легионов меркли по сравнению с четырьмя основными легионами, и внутри этих легионов лежала классическая тактическая дилемма. Асмодиалы были связаны с легионами Мальтуса и Кемеры.

Из всего, что я читал об их исторических конфликтах, единственным фактором, который удерживал Декерабию от полного участия в войне против асмодиалов, были легионы Мальтуса и Кемеры, работающие в качестве арбитров для ограничения масштабов. Если бы Декерабия когда-либо полностью выступила против асмодиалов, не сомневаюсь, что легионы Мальтуса и Кемеры выдвинулись бы, чтобы покончить с Декерабией.

Если бы у меня было неограниченное время, то, возможно, удалось бы просто ускорить события. Но с каждым новым перезапуском моя уверенность в этой идее испарялась. Ближе к концу стычки с Барионом я почувствовал легкое натяжение между жизнями. Этого чувства не было, когда я умер возле Холиса. Но то, что казалось легким притяжением, переросло в раздирающий, обжигающий душу порыв. Из этого можно было сделать только один вывод. У меня было дополнительное время. Но оно не было неограниченным.

Когда я изложил свои теории о демонах Неттари, сомнение, мелькнувшее в ее глазах, подсказало мне, что я прав. Я наблюдал, не без сочувствия, как она проследила за ходом моих мыслей. — И если бы мы эвакуировались из Анклава, мы бы бросили наших детей. Оставили бы их демонам. — Она быстро подняла голову. — Что, если Ралакос пошлет войска в святилище? Это не должна быть большая группа. Достаточно, чтобы перекрыть выходы и действовать как предупреждение до нашего возвращения.

Моя бровь приподнялась. — И это было бы приемлемо для тебя? Просить незнакомцев идти на жертвы, на которые я сам не готов пойти?

— Такова природа войны. — Губы Неттари скривились в досаде. Мне вспомнился Таддеус и его чертова подвижная шкала морали. Даже Неттари не была защищена.

— Возможно, — сказал я. — Но это была бы отчаянная жертва, чтобы втянуть нас в проигранную битву. Мы не знаем, что конкретно запланировала Эфира, но нам известны ее намерения. Когда она откроет пространственные врата, она побудит inferнальных воинов за нами, и они сожгут мои города дотла. Чтобы противостоять им, потребуется огромная сила, и я не смогу противостоять Тоте в ее стремлении собрать армию в другом месте.

Глаза Неттари начали блеснуть. — Но почему это должен быть именно ты? — Страдание в ее голосе пронзило меня. — Это не твоя битва.

— Но это так.

Тебе необязательно говорить это. Я позабочусь о твоей семье, Майя.

Майя доверяла мне. Так же, как и Лиллиан.

— Плюс в том, что это сработает в мою пользу. Это рациональный выбор, и это будет большой шаг к выравниванию игрового поля перед неминуемым конфликтом. И... я нарушил слишком много обещаний, Неттари. — Мои руки начали дрожать. — Это я должен сдержать. Или потеряю себя.

Неттари сжала мои плечи. — Я знаю, что ты думаешь. Что если последствия падут только на тебя, это делает их приемлемыми, какими бы ужасными они ни были. Но ты ошибаешься, Кэрн. Другие заплатят. Они всегда расплачиваются.

В ее словах звучало предостережение впережку с горем. Но я был слишком сосредоточен на предстоящем испытании, чтобы обращать на это внимание.

Неттари поддерживала меня под руку, пока мы отплывали от лодок и направлялись дальше в Сумеречные пещеры. Терос шел впереди, его лицо было напряженным и настороженным. Он сопровождал нас только до того места, которое отметила Персефона. Зная о ее сыне, было достаточно легко убедить ее объединить свои средства с Ралакосом и подкупить Мифрал, а дополнительный капитал использовать для обеспечения молчания женщины.

Тени становились все длиннее, и я начал видеть в них события, мои предыдущие воспоминания в лодках разворачивались в целые сцены, разум повторял то, что было сделано со мной, вновь и вновь.

Я закрыл глаза и попытался подумать о чем-нибудь другом.

Вскоре после отбытия Тероса демоны нашли нас и провели. Неттари объявила себя поверенной и нейтральной стороной — я сомневался, что асμοдиалам будет до этого дело, но ее настойчивое убеждение оказалось верным. Даже если переговоры провалятся, она даст обет молчания, и ей позволят уйти.

Демоны шипели и кружили вокруг меня, как акулы по следу крови. Я напомнил себе, что они чувствуют страх, и попытался подавить его. В какой-то степени это удалось: я сосредоточился на Неттари. Она сидела напротив того, кого я принял за высшего демона. У него не было губ, были обнажены болезненно белые зубы и серые десны, а на глаза надета матерчатая повязка. Остальная часть его тела была полностью скрыта плотной тканью, руки были в перчатках.

Он склонился над листом бумаги и что-то сердито шептал. Несмотря на его устрашающий вид, Неттари не дрогнула, горячо отстаивая свою точку зрения. Наконец, демон с завязанными глазами уставился на лист бумаги, исписанный демоническим шрифтом, и унес его через один из туннелей позади.

Когда Озра вошёл, я почувствовал, что ослабеваю. Неосознанно я запустил небольшой импульс маны, который должен был активировать мою предсмертную надпись — только надписи не было. Когда он приблизился к трону, я попытался сделать это еще дважды, чисто рефлекторно.

Не позволяй врагу увидеть твой страх. Я услышал голос отца, так четко и громко, как будто он сидел рядом со мной. Его жестокая рука крепко сжала мое запястье. Говори с ним так, словно ты уже умер, и исход разговора для тебя пустяк.

Я встал и подошел к трону.

— Архидемон Озра. — Я не обращал внимания на бисеринки пота, стекавшие по моему лбу.

Не кланяйся.

Я остался стоять прямо, неподвижный словно доска.

— Принц Кэрн. — Он изучал меня, как будто я был куском грязи на подошве его обуви. — Мой подчиненный довел до моего сведения, что нас обманули.

— Это верно, ваша милость. — Я перешел на стандартное уважительное обращение.

— Вежливо, для человека. Грубовато. Тем не менее вежливо. — Длинные острые пальцы Озры постукивали по его трону. — Вы даже были достаточно добры, чтобы привести с собой поверенного, чтобы просмотреть контракт. — Он посмотрел в сторону Неттари, которая открыто смотрела на него через весь зал. — Вам повезло. Она превосходна в своем деле.

— Да. — Я почувствовал, как во мне начинает расти неуверенное облегчение. — Конечно, вы понимаете, что следовать плану советника Эфиры было бы глупо.

— Я не согласен, — пренебрежительно сказал Озра. Я почувствовал, как рассеивается зарождавшаяся надежда. — Эфира просто дала повод. — Он говорил почти шутливо. — Это в нашей природе — восставать против инферналов. Мои последователи уже давно жаждут мести такого масштаба, а мой контроль, хоть и немалый, но неустойчивый. Я не смог бы остановить

их натиск, даже если бы захотел.

Я все еще чувствовал хватку отца на своей руке. Медленно, я отпустил страх и погрузился в холодное, жестокое мышление, которое использовал для допроса Персефоны. Только вместо того, чтобы надеть его, на этот раз я позволил ему вторгнуться в меня и полностью завладеть мной. Моя губа скривилась в презрении.

— Не тратьте мое время, — сказал я. Глаза Озры медленно скользнули по мне, как будто он не мог поверить в то, что услышал.

— Не хотите повторить это еще раз? — спросил Озра.

— Мечь — такое теплое чувство. — Я живо вспомнил все муки и пытки, которым они меня подвергли. Как мало их волновали ответы на вопросы, которые они якобы искали. Как они наслаждались моими страданиями. Я усмехнулся и понизил голос. — Ваши мотивы гораздо более просты. Чистоплотны. Вы художники, пишушие кровью на холсте истории.

— У меня нет времени на игры, человек. Излагайте свой мотив или замолкните. — В его глазах появился блеск, холодный и опасный. С Озрой нельзя было шутить.

Маленький, похожий на гоблина демон вырвался из строя и бросился на меня. Я призвал щит на секунду позже из-за чего зубы впились мне в руку. Разъяренный, я соткал из воздуха подобие перчатки, с помощью которой вбил его в землю. Демон застыл на земле, оглушенный. Я топнул ногой, и череп раскололся под моим ударом.

Озра не стал комментировать или даже смотреть вниз. Вместо этого он взмахнул рукой, и тело мелкого демона распалось. Мой разум вернулся к поставленной задаче.

Я представил алмазный скипетр. Его корпус был платиновым, с инкрустацией из розового золота. Он больше подходил для банкетного зала, чем для подземелья, что нас объединяло. В его круглом основании находился массивный бриллиант овальной огранки. Второй и третий предметы были из личной коллекции Ралакоса. Меч и кольцо. Возможности меча были мне неизвестны, но говорили, что он имеет большую ценность. Кольцо было кристаллическим и, как говорят, служило отличным катализатором для магии.

Озра тут же заинтересовался кольцом. Он наклонился, чтобы взять его, и надел на палец. Оно ясно давало понять, что это не переговоры. Это была дань уважения.

Я снова полез в сумку и заколебался. Это была авантюра. Вопрос, на который у меня не было возможности ответить. Оставалось лишь отчаянно надеяться, что моя гипотеза верна. Я достал из рюкзака небольшой мешочек, который передал Озре. Он открыл его, обнаружив почти дюжину светящихся сфер.

— Сферы памяти? — спросил Озра. Впервые он выглядел озадаченным.

— Мне сказали, что достаточно сильный маг может пробить печать сферы памяти, — сказал я. Не было сомнений, что Озра может это сделать. Судя по тому, какую силу он демонстрировал во время нападений, трудно было представить себе мага сильнее его. Вопрос был в том, сможет ли он правильно истолковать полученную информацию.

Он вызвал чистую черную ауру и провел ею над шарами. Одна за другой, свет, который они несли, погас. С каждой сферой выражение лица Озры менялось, постепенно превращаясь из безразличия в удивление.

Он увидел это. Я тщательно отобрал фрагменты. Были показаны масштаб и единство нападения на Уайтфолл. Битва Тоты с моим отцом. Когда она хвасталась, что все человеческие города были завоеваны и разрушены за одну ночь.

Выражение удивления Озры слегка смягчилось, когда он просмотрел последнее воспоминание. Он пытался сдержать свою реакцию, но его руки вцепились в трон.

— Это видения? — осторожно спросил он.

— Да.

— И что же вы предлагаете?

— Контракт, конечно. — Я чувствовал руку отца на своей спине, подталкивая меня вперед. — Вы получите свое насилие, архидемон. В масштабах гораздо больших, чем один город. Скорее, целую нацию, охваченную огнем войны. Сотни тысяч душ, освобожденных от своих оков, будут вашими.

— Но вы намерены предотвратить эту войну, — сказал Озра. Его горящие глаза пронзили меня насквозь.

— Я намерен смягчить последствия. Я намерен добиться единства и построить лучший мир, способный возникнуть из пепла. Но война неизбежна. — Произнеся эти слова, я понял, что они верны. Идея полностью остановить Тоту? Полностью предотвратить войну, собрав союзников?

Кого я обманываю?

Анклав был первым настоящим испытанием моих способностей, и это чуть не стало моей настоящей смертью. Я был в полном беспорядке. Мой разум был на грани срыва. Я ехал в анклав с полной уверенностью, что судьба на моей стороне. Мне дали магический ключ от магического замка, благодаря которому у меня появятся союзники.

Теперь это казалось смешным.

— Если мне удастся увести у Тоты половину ее союзников, это будет ошеломительный успех. И все равно нет никакой гарантии, что я выиграю. Единственная гарантия — это то, что кровь будет литься рекой.

— Эта... Тота. Я хочу ее, — сказал Озра.

Мой желудок скрутило. Я читал об этом. Увлечение демонов душами объяснялось тем, что якобы происходило в самом Аиде. На той стороне магические способности увеличивались в десятки раз. Если демон завладевал душой человека, тем самым предотвращая его реинкарнацию, он получал мощное оружие, которое мог использовать в бесконечной войне за территорию, бушующей в самом Аиде. От Вальхаллы его отличало то, что после сражений не было ни банкета, ни почивания в Елисейских залах, ни развлечений с феями. Но это замечание означало, что он обдумывает эту идею.

Аид был просто битвой, за битвой, за битвой, вечностью бесконечного насилия. Тота, будучи одним из самых могущественных существ в Ускаре, в Аиде была бы почти божеством.

Судьба была ужасна. Но я ничего не должен был ей. — Хорошо. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы ее передали вам, прежде чем Тота встретит свой конец. — Я протянул руку. — Мы договорились?

Озра улыбнулась. — Не совсем. Есть проблемы. — Он указал на толпу своих монстров. Они выглядели раздраженными, даже злыми. — Обещания мировой войны достаточно, чтобы удержать мою руку, но не обязательно их. Они слишком раздражены. Нам понадобится какое-то развлечение, иначе кто знает, что они сделают. — Он поднял второй когтистый палец. — И ещё одна настоящая проблема. У меня в руках была одна душа на срок моего пребывания в Аиде. Теперь, когда контракт аннулирован, у меня нет ни одной.

Мое сердце упало.

— Тота...

— Это просто слова — обещание. — Озра пожал плечами. — Ничего больше.

Я знал, что это произойдет. Планировал это. Готовился к этому. Но легче от этого не стало.

— Тогда душа за душу, — сказал я, плотно закрыв глаза.

Он уставился на меня. Впервые он казался выведенным из равновесия, завеса холодного расчета была пробита.

— Нет. — Ответ последовал. Но он колебался. Он был у меня в руках. Потребуется лишь последний толчок.

— Почему?

— Потому что я не разделяю одержимость моего рода королевской кровью, — размышлял Озра. — Ваша душа не эквивалентна ее.

— Пока нет. — Теперь мы вели переговоры. Это была знакомая территория. Я могу это сделать. — Эфира достигла своей пика. Но мне предстоит долгий путь развития. Мне тринадцать лет, и я уже достиг второго пробуждения.

Его глаза были холодны. — И как только я заберу вашу душу, ваш рост замедлится. Тьма будущего будет тяготить вас, вы погрязнете в бытийном ужасе. Я видел это тысячу раз. У людей есть фраза, подходящая для этого случая. — Синица в руке.

Его аргументы, все, что он говорил, имело смысл. Я мог это понять. Возможно, если бы я был тем же человеком, что и раньше, он был бы прав. Но это было до всех этих смертей. Резни. Наблюдать, как друзья и союзники умирают вновь и вновь. Это заставило обратить внимание на истинное положение вещей. Неттари и Кильвиус. Мои сестры. Моя мать. Что такое одна жизнь перед лицом всего этого? Для них?

— Мне плевать.

— Мне что?

Я подошел ближе, пока не оказался в нескольких сантиметрах от него. Слабый запах серы повис в воздухе. Я выпустил всю ярость, все разочарование, всю накопившуюся злость и горечь, которые возникли из-за того, что я не мог ничего сделать.

— Похоже, у вас сложилось впечатление, что мне безразлично, что со мной происходит. — Я расхаживал туда-сюда. — И вы были бы правы. Так и есть. Было время, когда мне казалось, что я — единственная вещь в мире, которая имеет значение. Так недальновидно. Так эгоистично. — Ненависть обратилась внутрь. — Но как все изменилось. Думаете, после того, как я продам свою душу, я буду жить в страхе? Нет. Ничего не изменится. Потому что я живу в страхе каждый божий день. Я позволил словам повиснуть. Сзади послышалось шарканье — демоны подкрались ближе к трону прислушиваясь. — Страх заставляет меня двигаться вперед, поддерживает меня, вооружает меня. Ни одно испытание, ни одно страдание, через которое вы можете меня провести, не сравнится с тем, чтобы видеть, как страдают и умирают те, кого я люблю. Так что тащите меня в преисподнюю и творите самое худшее.

Я широко расставил руки, затем опустил их по бокам. — Меня резали ножом, разрезали на части, раздавливали, жгли, испепеляли до самой души, а я все еще стою. Потому что я не ребенок. Я — мститель.

— ... В этих словах нет лжи, — сказал Озра. Казалось, он пришел к какому-то решению, и его голос изменился, стал ровным и обнадеживающим. — Возможно, мы сможем договориться. Укрепленные легионами Мальтуса и Кемеры, асμοдиалы поддержат вас. Всё, о чем я прошу, это чтобы вы присоединились ко мне в вечном огне. Мы будем править подземным миром вечно.

Надеюсь, до этого не дойдет. Но в конце концов выбор оказался не таким сложным, как вы думаете. Во многих отношениях я его уже сделал. — Неттари читала третью версию документа, выходя заметно болезненно. Я был настолько ясен с ней, насколько это было возможно, не вызывая стирания, которое привело бы к исчезновению информации из ее сознания. Я не хотел, чтобы она пыталась обмануть асμοдиалов или оставлять лазейки. Даже если они не были умны, Эфира выставила их дураками, и они, скорее всего, будут внимательно искать хоть что-то похожее на условия для побега.

Решающим моментом было то, что она должна была гарантировать, что моя душа будет привязана к Аиду как к окончательному пристанищу. Акцент на "окончательное". Контракт должен был быть составлен таким образом, чтобы демоны не могли ускорить мою смерть или помешать моей душе вернуться в тело в случае божественного возрождения. Я беспокоился, что это может стать предметом спора, но Неттари не спорила. Магия воскрешения была редкой, вплоть до легендарной — обычно она упоминалась только в эльфийских легендах, но люди часто оставляли в таких контрактах место для фантазий. Чаще всего это был акт последнего отчаяния.

Неттари положила контракт передо мной. Я просмотрел демонические каракули. Я смог прочитать больше половины, хотя, скорее всего, там были подтексты и двойные смыслы, о которых я мог только догадываться. Она выглядела так, словно хотела что-то сказать, но время для споров прошло.

Озра порезал ладонь, сжал кулак и позволил струйке крови стечь в чернильницу. Он протянул мне нож, и я сделал то же самое.

Я обмакнул перо и замер.

Моя рука не опускалась.

Все еще глядя на контракт, я чувствовал холод и пустоту. Мой голос застрял в горле. Сбоку я услышал, как Неттари подавила всхлип.

Озра наклонился, чтобы встретиться с моим взглядом, в его глазах мелькнуло понимание. — Значит, вы слышали эти истории.

— Да.

— На мгновение я подумал, что вы глупец. Я рад, что оказался неправ. — Он сделал паузу, тщательно подбирая слова. — Существует период восстановления. Некоторые вещи должны

быть исправлены. Слабости должны быть устранены.

Перо дрожало в моей руке.

— После этого, если только вы не взбунтуетесь или не попадете в плен к другому легиону, то нет. Мы не злоупотребляем нашими подопечными, особенно теми, кто силен и добровольно отдал свою душу. — Он улыбнулся мне. Это была ужасная улыбка, полная острых зубов и клыков. — И вы обретете могущество.

Мне вспомнилась коронация. О том, как я поставил свой эгоизм выше нужд многих. Это был мой шанс сделать все наоборот. Выровнять чашу весов. В этой жизни мне это ничего не будет стоить.

Я никогда не присоединюсь к своей семье в Вальхалле.

Но ведь это не страшно, не так ли?

Пройдя это препятствие, я сделаю первый шаг к тому, чтобы они жили лучше. Что мир, который возникнет после войны, будет лучше. И это была не только моя семья. Я должен был спасти семью Майи — нет, весь ее народ. Цена была мизерной.

Душа одного труса за жизни миллионов.

Выбора не было.

Я прижал перо к бумаге и подписал свое имя красным.

Все последующее было идеей Озры. Он хотел смерти Эфиры за то, что она сделала, и ее подчиненных тоже. Я попросил его не вмешиваться. Я ненавидел Эфиру за то, что она сделала, но Ралакос хотел, чтобы ее судили перед советом, а после того, чего это стоило, я хотел, чтобы мои отношения с инферналами были выкованы из стали.

А Эфира была умна. Если я смогу заставить ее перебороть свою ненависть, пощадить меня из простого милосердия, возможно, она сможет быть полезной для будущего Ускара. Но более того, после всего кровопролития я хотел решить дело миром.

Озра предложил мне пари. Если я смогу привлечь Эфиру на свою сторону, он пощадит ее. Если не смогу, то асμοдиалы убьют ее и всех, кто ее сопровождает. Но у нее был шанс.

— Что вы хотите, мой господин, — спросил Озра.

Демоны загоготали. Один из них ударил Эфиру по ноге, пролив кровь. Она вскрикнула. Один из ее охранников вырвался и побежал к ней, но был разорван.

— Принц! — Эфира взывала ко мне, зажимая рану, с дикими глазами. — Я совершила ошибку. Я плохо соображала. Прошу вас. Проявите милосердие.

Лицо Озры стало хитрым. Он прошептал мне на ухо. — Знаешь, я все еще могу пощадить ее. За это придется заплатить. Но я могу быть вполне покладистым, когда у меня хорошее настроение.

Я прислонил ладонь ко лбу, мольбы Эфиры заглушил поток голосов и мыслей в голове.

Одно дело — убить противника в бою. Совсем другое — хладнокровно убить в плену.

Слишком слаб, чтобы закончить то, что было необходимо.

Ты будешь хорошим королем. Более добрым королем.

У короля есть только одно применение милосердия, мальчик. Чтобы уничтожить змей у себя под пятой.

Я увидел Агарина в темноте его комнаты, детали которой были омрачены тенями от красного аурического солнца. Его белые глаза безжизненно смотрели в потолок. Крови было немного. Но именно ее наличие так прочно запечатлелась в моей памяти. Мой двойник потянулся в кровать, положил руку ему на грудь и надавил.

Мое дыхание было таким же холодным, как воздух в пещере. Я открыл глаза и подал сигнал Озре.

— Делайте, что хотите.

<http://tl.rulate.ru/book/77890/2544751>